

чить трансформацию одного типа деятельности (учебно-познавательной) в другой (профессиональный), что потребует изменения мотивов, целей, действий, средств и приведет к качественно новому результату.

Предъявление различных типов вопросов детерминирует особенности познавательной деятельности студентов и достижение определенного уровня усвоения знаний (см. табл. на с. 133).

Поиски путей совершенствования контроля знаний студентов привели к широкому использованию в вузовском процессе обучения рейтингового контроля, который имеет определенные преимущества, т.к. при его применении возникает конкуренция, создаются условия для состязательности студентов, что положительно сказывается на развитии их познавательной активности. Позитивным аспектом рейтинга многие ученые (А.В. Дружкин, В.А. Попков, Е.С. Поплевко, Н.В. Тельтевская, Т.И. Тамбовкина, О.Б. Томилин и др.) называют изменение отношения студентов к учению и привитие навыков систематической работы. Несмотря на неоспоримые достоинства рейтинга, нельзя утверждать, что его внедрение в учебный процесс решает все вопросы, связанные с контролем [2]. Необходимость выявления у студентов степени усвоения фундаментальных основ науки, умений применять теоретические знания для решения конкретных профессиональных задач, сформированности профессиональной мотивации и исследовательского опыта студентов обуславливает разработку и внедрение инновационных форм и методов контроля. К их числу мы относим «экзамен за круглым столом», выездной экзамен, экзамен-дискуссию, экзамен с элементами дидактографии, тест-проект и др. [1].

Из сказанного следует, что проблема совершенствования контроля учебной деятельности студентов полиаспектна и имеет множество путей решения, касающихся определения содержания контроля и его научно-методического обеспечения.

Литература

1. Инновационные формы и методы контроля / сост. Н.В. Тельтевская. Саратов : ПАГС, 2013.
2. Тельтевская Н.В. Рейтинговая система контроля и оценки знаний студентов. Саратов : ИЦ «Наука», 2009.

1. Innovatsionnyie formy i metody kontrolya / sost. N.V. Teltevsкая. Saratov : PAGS, 2013.

2. Teltevsкая N.V. Reytingovaya sistema kontrolya i otsenki znaniy studentov. Saratov : ITs «Наука», 2009.

Basic areas of improvement of students' educational work monitoring

There is substantiated the purpose of monitoring in the educational process, which consists of diagnostics and prediction of the improvement of students' educational achievements. The priority areas of monitoring improvement are specification of the goal, determination of contents, functions, requirements to its realization and methodological support.

Key words: *functions and contents of monitoring, innovative forms and methods.*

(Статья поступила в редакцию 15.09.2014)

М.Р. ИЛАКАВИЧУС
(Санкт-Петербург)

ПРАКТИКИ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ СООБЩЕСТВ: ГУМАНИТАРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На основании анализа современного состояния неформального общекультурного образования в России выявляется перспективное для налаживания культуры доверия направление – практики для разновозрастных сообществ, включающих представителей поколения «дедов» и «внуков». В рамках гуманитарно-антропологического подхода раскрывается развивающий потенциал такой формы организации взаимодействия в них, как антропопрактики.

Ключевые слова: *неформальное образование, образование взрослых, разновозрастные сообщества, межпоколенческий диалог, культура доверия.*

Глобальные политические, экономические и социокультурные трансформации последних десятилетий обусловили изменения в сфере социальных взаимодействий. Общество и го-

сударство стремятся регулировать их, устанавливая социальный контроль, используя институциональные, социально-организационные и социокультурные механизмы. В числе предлагаемых моделей гармоничного общественного устройства – модель «гражданское общество», укорененная в либеральной идеологии и ориентирующаяся на традицию «солидарное общество». При всей разности методологических фундаментов их объединяет тревога за современное состояние взаимопонимания, доверия разных социальных страт – основания сопряженности членов общности. В данном контексте роль системы образования видится в организации процесса, нацеленного на поддержание культурной преемственности. Массовые практики до сих пор не стали местом встречи Культуры и Личности, поэтому интерес к живому опыту неформального образования в современной России только возрастает. Законодатель заявляет о необходимости частного-государственного партнерства, определяет актуальность сетевого взаимодействия с различными учреждениями и сообществами, вновь обращает внимание на роль внеурочной деятельности общеобразовательных школ. Сфера наших научных интересов – разновозрастные сообщества неформального образования. Данная статья раскрывает их потенциал в деле как развития целостного человека, так и налаживания межпоколенческого доверия на примере практик, объединяющих представителей полных точек поколенческой триады – «дедов» и «внуков».

Актуальность обозначенной тематики обусловлена решаемыми сегодня задачами социальной консолидации, налаживания культурной преемственности, создания условий для максимального развития человеческого потенциала. Их проблематизация обусловлена глубинными историческими и политическими трансформациями последних десятилетий. Однако в общественном сознании на первый план выходят вопросы межнационального взаимодействия: внимание обращено на последствия ценностного несовпадения представителей разных культур, однако опасное разобщение зрелых и молодых, принадлежащих к одной российской культуре, поступательно усугубляется. И речь уже не идет о классическом мировоззренческом противопоставлении отцов и детей. Создаются условия для распространения среди взрослеющих негативной социальной идентичности, оскудевает их эмоциональная сфера, формируются антикультурные личностные ориентации. «Наш образ жиз-

ни стал более индивидуализированным, он характеризуется разрушением связей и снижением уровня доверия между людьми» [12, с. 38]. Приверженцы либеральных идей, ставящие задачу формирования *человека общества модернизации* (субъекта, способного самостоятельно действовать, определять свою судьбу), отмечают: для ее решения потребуется не менее трех поколений [13]. При этом возможны потери в целокупности человеческого потенциала, укорененного в идеалах российской культуры: подобный субъект в большей степени автономен от сообщества, менее другодоминантен.

Доверие – одно из наиболее древних социальных явлений. Феномен доверия стал предметом междисциплинарных исследований в отечественной науке в силу социокультурных переломов постперестроечной эпохи (А.В. Белянин, В.П. Зиненко, А.Б. Купрейченко, Ю.В. Веселов, Б.Ф. Поршнев). Интересующий нас ракурс – восстановление доверия в межличностном взаимодействии представителей разных возрастных страт – один из предметов изучения социальной психологии. В ней доверие определяется как метаотношение, вторичный результат совместной деятельности. Оно формируется как «обобщение опыта взаимодействия, но с момента, когда оно сформировано, начинает играть роль детерминирующего фактора поведения, деятельности, других отношений» [1, с. 122]. Этими параметрами оно отличается от иных феноменов – веры, надежды и т.п. Субъектом доверия могут выступать как отдельная личность, так и социальная группа, а объектом – «отдельные люди, группы, социум, различные социальные явления, предметы и информация (в трех последних случаях объектом доверия являются социальные результаты человеческой деятельности, а опосредованно – все те же люди и их объединения)» [Там же, с. 118]. Функцию доверия реализует особый психический орган, формирующийся в онтогенезе, наиболее интенсивно – на ранних этапах социализации.

Факторы, определяющие конкретный уровень доверия, могут быть субъектными, объектными, ситуационными и средовыми. Следовательно, для решения задачи налаживания доверия обществу и государству необходимо прилагать усилия к формированию специфической среды [4, с. 139]. В идеологии гражданского общества подобная среда создается на рациональной основе в условиях активации социальной самоорганизации (П. Андерсон, А. Мигранян, Ю.М. Резник). В идеологии со-

лидарного общества (общества социальной симфонии) для этого предлагается воссоздавать сообщества, воспроизводящие традиционные механизмы культурной преемственности (А.М. Черницкий, Б.В. Дроздов). В любом случае необходима актуализация интенции в действие – в сотрудничество, партнерство. Иначе «доверие остается в лучшем случае аттитудом, позитивным ожиданием, склонностью актора доверять людям, но не активируется» [4, с. 145].

Приоритетом педагогической науки традиционно являются проблематика взросления и связанные с ней сферы воспитания и социализации. Современная акцентуализация ряда агентов социализации отлична от предыдущих исторических периодов. Роль семьи как традиционно ключевого агента естественной среды формирования доверия между представителями разных поколений нивелировалась. Государство, распределявшее в советский период ответственность за воспитание и социализацию людей разных возрастов между учреждениями общего и дополнительного образования, многочисленными общественными и культурно-досуговыми организациями, после перестройки перестало заботиться о поддержке культурной преемственности. С исключением из полипроцесса социализации социальных партнеров существенно сократился перечень площадок для взаимодействия разных поколений. Поэтому понятие «неформальное образование» актуализировалось с возвращением государственного интереса к вопросам воспитания, общественного строительства. Поставленные сегодня задачи консолидации общества, формирования «духовных скреп» обусловили как переосмысление отечественного опыта прошлых лет, так и освоение опыта развитых европейских стран. За признанием фактов утраты современным отечественным формальным образованием монополии на воспитание и социализацию, стагнации государственной системы внешкольного образования последовало осознание необходимости открытости образования как пространства взросления, использования ресурса диверсификации, актуализации принципа сотрудничества с разными общественными партнерами – носителями значимого социального опыта [9]. Внеурочная деятельность была вновь включена в основную образовательную программу согласно ФГОС НОО; модернизации подвергается и система дополнительного образования: обсуждаются варианты Концепции ее развития в условиях сетевого, инфор-

мационного общества. Однако ракурс нашего исследования позволяет констатировать: традиционное деление целевой аудитории по возрасту, узко определенная предметная направленность приоритетно реализуемых программ (для детей – культурно-досуговые, профориентационные, для взрослых – повышения квалификации) препятствуют полноценной актуализации имеющегося у данных образовательных пространств потенциала в деле налаживания диалога поколений.

Разновозрастное взаимодействие – традиционный для отечественной науки предмет (В.Н. Сорока-Росинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский и др.). Однако приоритетным аспектом была и является по сей день педагогическая организация благоприятных условий для полноценного взросления юных как в обучении, так и в воспитании (Б.В. Куприянов, И.Ю. Шустова, М.С. Якушкина и др.). Проблематика переживания такого взаимодействия как фактора развития взрослого не нашла должного отражения в исследованиях. Он рассматривался как «маяк самосовершенствования» для юных, однажды и навсегда «ставший». Все меняется вместе с переосмыслением методологии организации образовательного процесса. Современные концепции и программы развития образования ориентированы в гуманитарно-антропологическом направлении [6]. Согласно данному подходу, сверхзадача образования – помощь в восхождении человека к полноте собственной реальности. Для этого необходимо ответить на вопрос – как создать условия для организации особой работы в пространстве субъективной реальности человека. Ответ на него можно сформулировать, изучая как историю педагогики, так и феномены самоорганизации современного образования – альтернативного и неформального.

Исследователи не пришли к единому взгляду на неформальное образование, что обусловлено разными традициями в понимании и организации практики, бытующими в разных государствах. Данный термин может использоваться как синоним внешкольному, дополнительному, может понятийно «поглощать» информальное. Мы присоединяемся к традиции толкования, основанной на работах ученых Института образования взрослых АПН СССР [8]. Согласно ей, информальное образование – это спонтанная, неструктурированная образовательная активность самообразовательного характера. Неформальное образование характеризуется полуструктурирован-

ностью: наличием специальной организации, осознанием ожидаемых результатов при возможности размещения в любом месте социокультурного пространства. Специфика данного феномена состоит в обязательном учете интересов и целей участников; ориентации на лиц разных возрастов; краткосрочности, гибкости в определении графика встреч; возможности возобновления процесса на новом уровне; отсутствии сертифицированных документов о прохождении программы. Неформальное образование является территорией рождения и апробации инноваций, которые затем осваиваются формальным сектором.

Данная тенденция послужила основанием определения научной темы РАО «Теоретические основы сетевых образовательных маршрутов неформального образования для разновозрастных сообществ». В его рамках была создана и продолжает пополняться картотека изучаемых практик, проведен анализ, отраженный в научных публикациях [5; 10]. В исследуемом многогранном феномене особняком стоит группа практик, участниками которых являются представители поколений «дедов» и «внуков». Ее немногочисленность объяснима установившимся отношением общества к людям «третьего возраста», обусловленным трансформацией семейной среды. «Главное желание престарелых в смысле продолжения рода и семейных отношений — это желание иметь внуков. Это положение, кроме психологического утешения, с точки зрения семьи, имеет важную функцию, потому что пожилые люди являются воспитателями, попечителями внуков» [14, с. 204]. В современном мегаполисе бытие в триаде «деды–отцы–внуки» – экзотика; распространение модели нуклеарной семьи привело не только к их пространственному, но и эмоциональному отчуждению. Широкая социокультурная среда общества потребления принципиально ориентирована на идеал «вечно молодых, красивых и богатых» – быть пожилым «не в тренде». Результат метафорически обозначен названием поэмы Б. Вахабзаде «Покинутые», в которой раскрывается трагедия забытых дедов, не реализовавших любовь к детям и внукам. Основная мысль произведения неоспорима: вера и надежда пожилых на будущее (как свое, так и народа в целом) зиждется на энергии общения с поколением «внуков».

В период «третьего возраста» заявляют о себе риски онтологического порядка: давление мыслей о ненужности, о бессмысленности существования вне профессиональной де-

ятельности; эмоциональная подавленность под воздействием ожидания смерти и т.д. Проживание преклонного возраста как естественной части жизни, отнюдь не предполагающей ограничение возможностей самореализации, самосовершенствования, – ориентир для выстраивания социальной политики государства, стремящегося освоить стратегию устойчивого развития. В данной логике в России предпринимаются попытки раскрыть потенциал пожилых: подписано Мадридское соглашение, предполагающее создание условий для реализации их прав; выполняется Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики»: в крупных городах разрабатываются и воплощаются в жизнь целевые программы по повышению качества жизни граждан пожилого возраста (в Санкт-Петербурге, например, данную работу проводят 14 городских комитетов и 18 районных администраций). Однако массовая практика данной возрастной аудитории не поражает разнообразием: преобладают курсы компьютерной и физкультурно-оздоровительной направленности в группах одновозрастного состава [3].

Если обратиться к аналитическим исследованиям формирования системы отечественного непрерывного образования, то мы обнаружим еще одну проблему – качество услуг в общекультурном (непрофессиональном) секторе целевой аудитории некоммерческого, социального направления. Два важнейших параметра – доступность и индивидуализация – по-прежнему не позволяют говорить об удовлетворенности широких масс населения России системой непрерывного образования в европейском ее понимании [7]. Однако в последнее пятилетие появляются и развиваются в режиме самоорганизации специфические разновозрастные объединения неформального образования.

Находящееся в стадии становления гражданское общество России выступает с частными инициативами, направленными на установление социального климата доверия, налаживание консолидации разных слоев населения именно в рамках местных сообществ. Специалисты выделяют как тренд формирования системы отечественного непрерывного образования появление специфической, крайне разнородной группы инициатив, направленных на удовлетворение разновозрастных потребностей в непрофессиональном (общекультурном) образовании и использующих неформальные практики [Там же]. Данный тренд подтверждает мировую тенденцию: мно-

гие насущные социальные проблемы решаемы именно местными сообществами. Примером может служить история международной ассоциации университетов для лиц третьего возраста профессора П. Велла (Тулуза, Франция). В самом начале, в 1974 г., целью экспериментального геронтологического исследования было определение условий налаживания межпоколенческих отношений, развитие у лиц «третьего возраста» интереса к проблемам местного сообщества, включение их в качестве добровольцев в разнообразную общественно полезную деятельность. Так сформировалось самостоятельное направление работы с пожилыми людьми, включающее их в проекты укрепления взаимосвязей, а значит, и взаимопонимания людей разных поколений, налаживания доверия между ними. С 1978 г. ведет свою историю общество «Generations together» (США), создатели которой Дж. Оссовский и Д. Лидерман также решали задачу формирования в обществе атмосферы милосердия, взаимопонимания и заботы молодых и пожилых друг о друге.

Немногочисленность разновозрастных неформальных образовательных сообществ в России объясняется другой тенденцией, уже негативной: наши современные города являются территорией обособленных акторов, а не средой местных сообществ; связанные же с местом проживания сообщества становятся более мобильными и менее стабильными [11]. Мерой воспроизводства и поддержки площадок для межпоколенческого взаимодействия может стать сообразная современным представлениям о нем организация практик неформального разновозрастного образования либо поддержка их самоорганизации. Нам видится перспективным использование такой формы, как антропопрактика, понимаемая как практика культивирования базовых, родовых способностей человека. «Это особая работа в пространстве субъективной реальности человека: в пространстве совместно-распределенной деятельности, в пространстве со-бытийной общности, в пространстве рефлексивного сознания» [6, с. 24]. Теория и ее реализация в пространстве непрерывного образования активно развиваются последователями Г.П. Щедровицкого, сторонниками антропологической методологии. Актуальность антропопрактики в педагогике обосновывается в работах В.И. Слободчикова. Исследователь называет идеальную модель образовательного процесса и образовательного результата «полным образованием», выделяет в ней основной и воспол-

няющий сегменты [Там же, с. 151]. В первом, детско-юношеском, периоде происходит самое активное, очевидное развитие человека. С выходом в период взрослости вся ответственность за развитие, достижение самостоятельности, самостояния ложится на него самого. Однако непреложный закон развития не является обязательным, всегда существует опасность регресса, превращения индивида в простую функцию. Восполняющий сегмент полного образования и отвечает за организацию поддержки личностного развития. Согласно авторской периодизации человеческого развития, итоговая ступень (от 45 лет до старости) – универсализация, вход в пространство обще- и сверхчеловеческих ценностей онтологического порядка, поэтому сообразные ей практики образования должны быть действительно пространством развития специфических базовых потребностей.

Одна из них – потребность передавать накопленный опыт – реализовывалась в традиции путем выделения пространства и времени для общения «малого да старого», о чем свидетельствует этнология. «Лучшие педагоги в народной среде – люди старого поколения, люди, уже перебродившие, уже не имеющие личных интересов, в нравственном отношении живущие выше обыкновенного уровня» [2, с. 663]. Антропопрактика, основывающаяся не только на знаниях о практике, но и на знаниях самой практики [6, с. 31], воспроизводит сообразную идею Человека средю со-бытийного со-общества, каждый участник которого встает на путь достижения полноты человеческого качества, получает необходимую поддержку для выхода из очередного личностно-экзистенциального кризиса. Народная педагогика особо выделяла и оберегала специфические пространства встречи «дедов» и «внуков». Отечественная этнология хранит описание следующих разновозрастных образовательных практик: в семейном кругу старым и малым отводилось либо одно, либо смежные пространства, они всегда были вместе, что обуславливало близкое общение. Функция старых и малых на тех праздниках, куда допускались все возрасты, была схожа: добрая ирония либо острое высмеивание. Вхождение в подростковый период знаменовалось допуском на детские посиделки, равноправными обязательными участниками которых были пожилые женщины (в сознании взрослеющих они не делились на родных и неродных). «Содержанием образования» этих встреч, именовавшихся «старый да малый», являлись не толь-

ко нормы отношений между полами, но и сакральное знание экзистенциального порядка.

Примером современной антропопрактики является опыт немецких коллег, ставший достоянием отечественной педагогической общественности благодаря новостной службе Первого канала в декабре 2012 г. Сотрудники пансиона для пожилых людей Мюнхена совместно с воспитателями соседнего детского сада задались целью создать уникальные содружества – «пары дружбы», состоящие из людей 70–80 и 5–6 лет. В определенные дни малыши приходят в гости к неродным для них бабушкам и дедушкам, зачастую забытым родственниками. Они вместе занимаются в творческих мастерских, читают, играют. Темами для общения и образования стали важнейшие экзистенциальные смыслы – дружба, бытие в мире, общем для людей и животных, любовь и даже смерть. Опыт переживания последней вызывал у педагогов неоднозначное отношение: они стали свидетелями трагического переживания малышкой 6 лет ухода из жизни, а значит, и из «пары дружбы» одного из пансионеров. Однако это событие стало фактором ее духовного роста. Девочка сделала важный вывод: людей, находящихся рядом, надо беречь, надо спешить делать добро, потому что однажды можно не успеть. Неоднозначная образовательная инициатива Германии получила широкий общественный резонанс в европейских странах. Она обратила на себя внимание как попытка организовать пространство не только развития человеческих качеств у взрослеющих, но и реализации пожилыми потенции быть источником живого опыта и сопереживания.

Взаимодействие пожилых и молодых в России, как правило, происходит в рамках волонтерской деятельности (в частности, религиозной направленности), решающей социальную проблему ухода за немощными. Исследуемый нами феномен принципиально иной. Существенное отличие – наличие образовательного компонента неформального характера – обуславливает равноправие по отношению к содержанию образования, независимо от возраста и социального статуса. Атмосфера искренности и непринужденности, свойственная неформальному образованию, способствует раскрытию лучших проявлений возрастного статуса участников, что привносит в межпоколенческое взаимодействие значимую для гуманитарно-антропологического подхода специфику. Категория «образование» в контексте данного подхода дополняется опреде-

лением *развивающее*; онтологическим основанием человека признается со-бытийное общество. Деятельность в ее пространстве, рефлексия разного уровня, разных предметов, развивают субъективную реальность. В объединениях, отношения между участниками которых основаны на личной приязни и общности интересов, происходит постоянное преобразование связей в систему предметных отношений, что поддерживает ситуацию личностного развития. Маркером успешности организации будет отношение зрелых к молодым: не раздраженная позиция «бабы-яги», ненавидящей все юное, а мудрое вглядывание «здравствуй, племя молодое, незнакомое».

Примером могут служить межпоколенческие взаимодействия, явившие себя в рамках ежегодного открытого танцевального фестиваля «Dance Way». Он существует благодаря частной инициативе настоящей подвижницы неформального танцевального движения Елены Гомес и объединяет практикующих любителей разных танцевальных направлений. В интервью Галина О. (62 года), участница разновозрастного коллектива номинации «Танец живота», отметила важность присутствия на занятиях молодежи: это заставляет мобилизовать силы, «подтянуться», заряжает их энергией. Она стала активной участницей группы в социальной сети, часто принимает в гостях неформальных коллег, делится кулинарными секретами. «Я по-другому смотрю на юных девочек, – отмечает Галина, – им сложнее, чем было нам. Но и ошибок каких-то они могут избежать, если на нас посмотрят. Я во многих вещах современных стала лучше разбираться благодаря им. И потом Вы видели, как нам аплодировали? Это все сделали мы вместе, и возраст тут ни при чем». «Они нам мамы и старшие сестры: с ними можно поделиться всем, обратиться в трудную минуту, посоветоваться в делах учебы и работы», – так характеризует роль взрослых коллеги по клубу Галины Настя (18 лет). Налицо и степень доверия представителей разных поколений друг к другу. Оно формируется и поддерживается благодаря свободному общению людей, ориентированных на один предметный интерес, принципиально нематериальный. Раскрытие субъективной реальности участников в направлении друг к другу происходит в силу культуросообразности среды, благодаря актуализации естественного фактора разновозрастности. Все часто упоминаемые участниками «посиделки» (время в процессе или после занятий) –

воспроизведение значимого в традиции родового круга (он ярко представлен в кинокартине М. Гиббсона «Апокалипсис»). Разный возрастной опыт и симпатия участников порождают рефлексию разного уровня, блокируемую в повседневности одиночества и погони за материальным благополучием.

Доверие имеет специфические видовые параметры: степень свободы выбора целесообразной стратегии деятельности и однозначно неустраняемая до конца неопределенность реакции партнера. В разновозрастных практиках неформального общекультурного образования создаются условия для становления культуры доверия, сочувствия и понимания между поколениями, без которых невозможно формировать «духовные скрепы» нации, о которых говорит Президент РФ В.В. Путин. Исследования в данной области позволят усилить методическое сопровождение формального образования, ориентирующегося на гуманитарно-антропологическое знание.

Литература

1. Антоненко И.В. Социально-психологическое содержание доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества : моногр. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 34–53.
2. Виноградов Г.С. Народная педагогика // Этнография детства и русская народная культура в Сибири : моногр. М. : Вост. лит., 2009. С. 642–664.
3. Володина М. Сто лет живем без бед // Петербургский дневник. 2014. №30. С. 7.
4. Данкин Д.М. Доверие в пространстве и во времени как фактор стабильности общества // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества : моногр. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 136–169.
5. Илакавичус М.Р. Самоорганизация неформального общекультурного образования для разновозрастных сообществ в современной России: классификация практик // Paradigmata poznani. 2014. №2. С. 131–136.
6. Исаев Е.И., Слободчиков В.И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013.
7. Константиновский Д.Л., Вахштейн В.С., Курakin Д.Ю. Кросс-региональный анализ развития непрерывного образования: результаты исследования // Вопр. образования. 2007. №4. С. 293–326.
8. Онушкин В.Г., Огарев Е.И. Образование взрослых: междисциплинарный словарь терминологии. СПб.–Воронеж, 1995.
9. Развитие сферы образования и социализации в РФ в среднесрочной перспективе: докл. экспертной группы «новая школа» // Вопр. образования. 2012. №1. С. 6–58.
10. Способы и формы организации неформального образования для разновозрастных сообществ в условиях развития национальных образовательных систем в СНГ : сб. науч. ст. / под общ. ред. М.С. Якушкиной, М.Р. Илакавичус. СПб. : ФГНУ ИПООВ РАО, 2014.
11. Стратегия –2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. / под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М. : ИД «Дело», 2013. Кн. 1.
12. Тенденции, формирующие систему образования: Докл. Центра исследований и инноваций в области образования. ОЭСР, 2008. Гл. 6, 7 (пер. с англ.) // Вопр. образования. 2009. №3. С. 26–34.
13. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России : Докл. на симпозиуме памяти С. Хантингтона «Культура, культурные перемены и экономическое развитие». М., 2010.
14. Халилов Г.А. Роль старшего поколения в процессе социализации личности в семье // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология. 2014. №1. С. 202–205.

* * *

1. Antonenko I.V. Sotsialno-psihologicheskoe sodержanie doveriya // Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obschestva : monogr. / отв. red. A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova. M. : ID NIU VShE, 2013. S. 34–53.
2. Vinogradov G.S. Narodnaya pedagogika // Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kultura v Sibiri : monogr. M. : Vost. lit., 2009. S. 642–664.
3. Volodina M. Sto let zhivem bez bed // Peterburgskiy dnevnik. 2014. № 30. S. 7.
4. Dankin D.M. Doverie v prostranstve i vo vremeni kak faktor stabilnosti obschestva // Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obschestva : monogr. / отв. red. A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova. M. : ID NIU VShE, 2013. S. 136–169.
5. Ilakavichus M.R. Samoorganizatsiya neformalnogo obschekulturnogo obrazovaniya dlya raznovozrastnykh soobschestv v sovremennoy Rossii: klassifikatsiya praktik // Paradigmata poznani. 2014. № 2. S. 131–136.
6. Isaev E.I., Slobodchikov V.I. Psihologiya obrazovaniya cheloveka: stanovlenie sub'ektnosti v obrazovatelnykh protsessah : ucheb. posobie. M. : Izdvo PSTGU, 2013.
7. Konstantinovskiy D.L., Vahshteyn V.S., Kurakin D.Yu. Kross-regionalnyiy analiz razvitiya

nepreryivnogo obrazovaniya: rezultaty issledovaniya // Vopr. obrazovaniya. 2007. № 4. S. 293–326.

8. Onushkin V.G., Ogarev E.I. Obrazovanie vzroslyih: mezhdistsiplinarnyy slovar terminologii. SPb.–Voronezh, 1995.

9. Razvitie sfery obrazovaniya i sotsializatsii v RF v srednesrochnoy perspektive: dokl. ekspertnoy gruppyi «novaya shkola» // Vopr. obrazovaniya. 2012. № 1. S. 6–58.

10. Sposoby i formy organizatsii neformalnogo obrazovaniya dlya raznovozrastnykh soobshchestv v usloviyakh razvitiya natsionalnykh obrazovatelnykh sistem v SNG : sb. nauch. st. / pod obsch. red. M.S. Yakushkinoy, M.R. Ilakavichus. SPb. : FGNU IPOOV RAO, 2014.

11. Strategiya –2020. Novaya model rosta – novaya sotsialnaya politika. Itogovyy doklad o rezultatah ekspertnoy raboty po aktualnyim problemam sotsialno-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 g. / pod nauch. red. V.A. Mau, Ya.I. Kuzminova. M. : ID «Delo», 2013. Kn. 1.

12. Tendentsii, formiruyuschie sistemu obrazovaniya: Dokl. Tsentra issledovaniy i innovatsiy v oblasti obrazovaniya. OESR, 2008. Gl. 6, 7 (per. s angl.) // Vopr. obrazovaniya. 2009. № 3. S. 26–34.

13. Tihonova N.E. Sotsiokulturnaya modernizatsiya v Rossii : Dokl. na simpoziume pamyati S. Hantingtona

«Kultura, kulturnyye peremeny i ekonomicheskoe razvitiye». M., 2010.

14. Halilov G.A. Rol starshego pokoleniya v protsesse sotsializatsii lichnosti v seme // Vektor nauki TGU. Ser.: Pedagogika, psihologiya. 2014. № 1. S. 202–205.

Experience of informal education for all-aged communities: classic and anthropologic aspect

Based on the analysis of the modern condition of the informal cultural education in Russia there is revealed the prospective direction for culture trust establishment – experience for all-aged communities including representatives of the generation of “grandparents” and “grandchildren”. Within the classic and anthropologic approach there is revealed the developing potential of such form of organization of interaction in them as anthropologic experience.

Key words: informal education, education of adults, all-aged communities, intergeneration dialogue, culture of trust.

(Статья поступила в редакцию 10.10.2014)

